Право. Журнал Высшей школы экономики,
2012, №1, С. 37-49
Опубликована: Янв. 1, 2012

Элементы нормы права и их внутреннее строение

Илалутдинов Алмаз Ильгизович

Главный специалист отдела анализа и обобщения судебной практики Арбитражного суда Республики Татарстан, аспирант Института экономики, управления и права (г. Казань). Адрес: 420014, Российская Федерация, г. Казань, Кремль, корпус 1. E-mail: ilalmaz@yandex.ru.

Аннотация

Статья содержит анализ сущностных характеристик и внутреннего строения гипотезы, диспозиции и санкции как обязательных элементов нормы права. Задача работы состоит в реализации идеи структурирования элементов нормы на первичные правовые средства, а также в идентификации и дифференциации регулятивной функции права. Работа построена на сравнительном анализе содержания доктринальных трудов многих отечественных юристов. Отдельное внимание уделяется выявлению конкретных видов правовых средств в рамках каждого из упомянутых выше элементов. Статья содержит обоснование трехэлементной моделм правовой нормы. В том числе автором делаются попытки выяснить, чему следует противопоставлять такой элемент нормы, как гипотеза – диспозиции нормы или же всей норме в целом. Выясняется вопрос, может ли гипотеза содержать условия осуществления мер воздействия, находящих отражение в санкции. Автором сделаны выводы, что содержанием гипотезы выступают государственно значимые условия; что выделение отрицания диспозиции в качестве самостоятельной гипотезы как элемента нормы права необходимо считать неверным, ибо выбор между соблюдением или нарушением правил поведения ставит только диспозиция; что гипотеза включает условия возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей субъектов права. Автор положительно отвечает на дискуссионный вопрос о возможности квалификации содержащихся в гипотезе нормы права как первичных правовых средств. Условием осуществления санкции является один из вариантов реализации диспозиции. Автор обосновывает тезисы о возможности анализа санкции как совокупности прав и обязанностей субъектов права, о наличии в составе санкции нормы позитивных последствий при ее сверхвыполнении в случаях, предусмотренных законом. В статье обращено внимание на многогранность регулятивной функции права. Она может быть статической, динамической и

охранительной. В частности, подвидами регуляции могут выступать обязывание, поощрение, ограничение, охрана. Автором рассматривается также вопрос о природе и содержании ограничения и запрета.

Ключевые слова: диспозиция, норма права, первичные правовые средства, элемент нормы, структура, гипотеза, трехэлементная модель

Последовательный анализ отличительных особенностей и внутреннего строения элементов нормы права (гипотезы, диспозиции и санкции) способствует развитию теоретических представлений о норме и правовых регуляторах. В свою очередь совершенствование юридических знаний в этой области содействует научно обоснованному толкованию многих правовых конструкций на практике, позволяет объективнее взглянуть на процессы конструирования норм и развития правовых институтов. Все это свидетельствует о важности исследования структуры нормы права для познания механизма воздействия правовых регуляторов на поведение субъектов.

Целью настоящей статьи является анализ сущностных характеристик и внутреннего строения гипотезы, диспозиции и санкции как обязательных элементов нормы права. Определение состава нормы в виде трех указанных элементов в полной мере объясняется ходом наших дальнейших размышлений, что позволяет непосредственно перейти к их рассмотрению.

Важнейшим элементом нормы, придающим государственно-правовую значимость отношениям субъектов, является гипотеза. В научных исследованиях, посвященных ее изучению, нередко отмечается, что «проблема гипотезы — это всегда проблема реализации действия нормы права, проблема условий возникновения, изменения и прекращения правоотношений»[1]. В юридической литературе под гипотезой, как правило, понимается структурный элемент, указывающий на конкретные жизненные обстоятельства (условия), при наличии или отсутствии которых реализуется норма[2]; элемент нормы права, указывающий на условия ее действия (время, место, субъектный состав и т.п.)[3]; часть нормы, содержащая информацию о том, когда и при каких обстоятельствах она действует[4]; элемент нормы права, в котором определены те юридические факты, при наличии которых может возникнуть и действовать правило поведения[5].

1. Астанин А.В. Гипотеза как элемент правовой нормы: Дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 4.
2. См.: Теория государства и права: учеб. для вузов / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002. С. 288.
3. См.: Чепурнова Н.М., Серегин А.В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007. С. 301.
4. См.: Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции): учеб. курс. М., 2003. С. 258.
5. См.: Табарин И.В. Современная теория права: новый научный курс: научная монография. М., 2008. С. 207.

По мнению В.Д. Попкова, гипотеза очерчивает «не только условия, но и пределы применения нормы»[6]. Следует отметить, что, скорее всего, автор имел в виду пределы действия нормы (время, пространство, круг лиц), поскольку пределы ее применения относятся к усмотрению правоприменителя, к его трактовке применяемой нормы. Полагаем, что последнее обстоятельство не относится, собственно говоря, к гипотезе нормы и не составляет ее содержания.

Несколько конкретнее определяет гипотезу Л.А. Морозова. С ее точки зрения, данный элемент указывает на условия или обстоятельства, при наличии которых реализуется диспозиция нормы[7]. Непосредственную связь между условиями, содержащимися в гипотезе, и диспозицией нормы отражают в своих определениях и другие авторы. Например, Е.А. Крашенинников приходит к выводу, что «гипотезу следует определять как часть нормы, указывающую на условия, при наличии которых у участников регулируемого отношения возникают права и обязанности, предусмотренные диспозицией»[8]. Автор мотивирует свою позицию тем, что «гипотеза и диспозиция выступают противоположными частями единого целого (нормы права) и, следовательно, не могут быть значимы в их односторонности, каждая сама по себе, а имеют смысл лишь в их положенности друг относительно друга, в их единстве...»[9]. По мнению ученого, гипотеза должна противопоставляться не норме, а ее второй части — диспозиции.

Схожую позицию можно встретить в работах Ф.Н. Фаткуллина, определяющего гипотезу как часть правовой нормы, где содержится указание на те жизненные ситуации (обстоятельства), при которых приходят в рабочее состояние, «срабатывают» изложенные в ней правила поведения, реализующиеся в каждом конкретном случае. Автор особо подчеркивает, что «при наступлении обозначенных в гипотезе жизненных ситуаций приводится в движение, начинает реализовываться именно диспозиция нормы права, претворяемая в жизнь путем соблюдения, исполнения, использования или осуществления предусмотренных в ней правил поведения, а в

6. Проблемы теории государства и права: учеб. / Под ред. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 718.
7. См.: Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 246
8. Крашенинников Е.А. Заметки о нормах права // Проблемы защиты субъективных гражданских прав: сб. науч. тр. Ярославль, 2001. С. 4–5.
9. Крашенинников Е.А. Гражданско-правовые нормы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 2. С. 7.

ряде случаев — также путем их применения. Что касается санкции, то для введения ее в действие требуются другие жизненные ситуации, представляющие собой отклоняющееся от установленных масштабов или, наоборот, специально поощряемое поведение»[10]. На непосредственную связь гипотезы и диспозиции обращает внимание и Р.А. Ромашов[11], утверждающий, что в гипотезе излагаются те фактические обстоятельства, при наличии которых у лиц возникают, прекращаются или изменяются предусмотренные нормой юридические права и обязанности[12].

Исходя из приведенных высказываний можно сделать вывод, что гипотеза содержит условия реализации диспозиции нормы права. По нашему мнению, при изучении гипотезы следует руководствоваться тем, что ее основной функцией является определение условий возникновения, изменения или прекращения признаваемых и обеспечиваемых государством возможностей и долженствований субъектов. Определение гипотезы как «нормативно обозначенных условий осуществления правил правового поведения»[13] в принципе отражает сущность данного элемента. Однако возникает вопрос: может ли гипотеза содержать условия осуществления мер воздействия, находящих свое отражение в санкции нормы права?

Сторонники двучленного строения нормы отвечают на поставленный вопрос положительно, поскольку нарушение диспозиции рассматривается ими как гипотеза для реализации санкции. В то же время представляется, что роль гипотезы в данном случае необоснованно заимствуется у диспозиции, поскольку именно она ставит вопрос о выборе поведения, согласии либо несогласии с предлагаемой моделью поведения. Диспозиция в данном случае выступает точкой бифуркации относительно последствий ее нарушения или соблюдения (сверхнормативного выполнения).

Отсюда следует, что схема «если (гипотеза 1) — то (диспозиция), а если (гипотеза 2) — то (санкция)» представляется не совсем логичной в ее истолковании представителями концепции разделения регулятивных и

10. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Казань, 2003. С. 236.

11. В данном случае следует отметить, что, исходя из определения Р.А. Ромашова, связь гипотезы и диспозиции не будет столь явной, если рассматривать санкцию как совокупность прав и обязанностей. Далее будет видно, что такой подход также имеет место в доктрине права.

12. См.: Ромашов Р.А. Теория государства и права. СПб., 2009. С. 138.

13. Астанин А.В. Указ. соч. С. 91.

охранительных норм. Вторая гипотеза понимается как отрицание диспозиции (ее нарушение), в то время как сама диспозиция содержит возможность отрицания предлагаемой модели поведения. При таком исходе диспозиция онтологически предусматривает необходимость формального определения последствий (негативных или сверхпозитивных) отклоняющегося поведения, поскольку их отсутствие не может в полной мере оказывать мотивационного воздействия на субъекты права. Такие последствия (наказание или поощрение, иными словами — указание на обязанность претерпеть негативные последствия или указание на право получить поощрение) являются логическим следствием диспозиции как таковой.

Таким образом, выделение отрицания диспозиции в качестве самостоятельной гипотезы как элемента нормы права, на наш взгляд, является неверным, поскольку выбор между соблюдением или нарушением правила поведения ставит только диспозиция.

Исходя из этого следует, что охранительной нормы как таковой не существует, так как в ней отсутствует самостоятельная гипотеза: условием осуществления санкции является один из вариантов реализации диспозиции. Последняя предоставляет выбор модели поведения субъектам, от которых зависит наступление тех или иных последствий. В данном случае мы можем говорить лишь об охранительном предписании, т.е. о закреплении санкционного элемента в нормативных правовых актах.

Применительно к идее разграничения регулятивных и охранительных норм права (правильнее — предписаний) укажем, что ее последователи не учитывают, пожалуй, самого главного, а именно многогранности регулятивной функции права. Например, учеными выделяются регулятивно-статическая, регулятивнодинамическая и регулятивно-охранительная функции[14]; как подвиды регуляции рассматриваются обязывание, поощрение, ограничение, охрана[15]. Следовательно, охрана выступает разновидностью регуляции, что не позволяет рассматривать ее как самостоятельное явление. В данном случае следует согласиться с выводом, что «если мы разводим регуляцию и охрану по разным видам норм, то разрываем при

14. См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): монография. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 169.

15. См.: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 167; Краснов А.В. Правовая санкция в контексте предоставительно-обязывающего характера нормы права // Научный Татарстан. 2010. № 1. С. 127.

этом целостное понятие нормы: при отсутствии охраны в регулятивной норме теряется ее государственная обеспеченность, а при отсутствии регуляции в охранительной норме исчезает предоставительно-обязывающий характер и регулятивность»[16]. Кроме того, вызывает сомнение разграничение регулятивных и охранительных норм по предметному и функциональному критериям. О несоответствии такого деления требованиям научной классификации пишет М.А. Григорьева[17].

Гипотеза нормы, на наш взгляд, предполагает наступление тех или иных жизненных обстоятельств для реализации модели поведения, содержащейся именно в диспозиции. Гипотеза вводит в правовое пространство указанные в ней жизненные ситуации (случаи, эпизоды) либо конкретные жизненные обстоятельства. Посредством гипотезы осуществляется фиксация определенной модели взаимодействия субъектов; совокупности обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение (состояние).

Изложенное позволяет утверждать, что содержанием гипотезы выступают государственно значимые условия, которые и являются, собственно говоря, элементами гипотезы нормы. О разнообразии жизненных обстоятельств говорить не приходится, поэтому считаем нецелесообразным попытку определить их перечень. Однако такие условия можно обобщить.

В научной литературе высказано мнение, что «гипотеза указывает субъектов права и включает в себя весь спектр фактических условий, при которых юридическая норма начинает функционировать: обстоятельства места, времени, пространства и действия. Все эти обстоятельства являются... необходимыми юридическими предпосылками для возникновения, изменения и прекращения правоотношений»[18]. С таким подходом в принципе можно согласиться. В то же время следует отметить, что употребление словосочетания «юридические предпосылки правоотношения» является не совсем корректным применительно к содержанию гипотезы. Гипотеза не содержит общих предпосылок возникновения, изменения и прекращения правоотношений, к которым, например, можно отнести

16. Краснов А.В. Санкция нормы права в контексте правил поведения // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 1. С. 103.
17. См.: Григорьева М.А. О предметном и функциональном критериях разделения гражданскоправовых норм и отношений на регулятивные и охранительные // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2010. № 3. С. 183–189.
18. Астанин А.В. Указ. соч. С. 7.

правосубъектность (не путать с указанием на субъектный состав)[19]. Полагаем, что гипотеза включает условия возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей субъектов, а также иных первичных правовых средств, содержащихся в диспозиции нормы права.

Можно согласиться с тем, что гипотеза нормы права обычно не только содержит указание на абстрактную модель обстоятельства, но и обобщает его родовые условия, свойства, характеристики или признаки. Требование о необходимости наличия некоторых признаков (свойств, качеств, характеристик) содержится в гипотезе и может предъявляться как к самому абстрактному обстоятельству, так и к его субъектному составу или объекту[20].

При анализе гипотезы представляется важным, что юридические последствия (возникновение, изменение, прекращение прав, обязанностей и иных первичных правовых средств) порождают не условия, перечисленные в гипотезе, а юридические факты. Юридические факты являются свершившимися условиями, т.е. нашедшими воплощение в жизни. Данное обстоятельство позволяет говорить о норме как о модели, реализация которой в полной мере зависит от субъектов права.

Применительно к гипотезе нормы права спорным также представляется вопрос о возможности квалификации содержащихся в ней условий как первичных правовых средств[21]. Представляется, что ответ на него должен быть положительным, поскольку среди правовых средств выделяются не только средства-способы (выражаются в специальных методах и формах человеческой деятельности) и средства-предметы (инструментальная основа практики), но и средства-условия (реальные жизненные обстоятельства, существование которых способствует наступлению конкретного результата)[22].

Применительно к норме права средства-условия, во-первых, используются для достижения поставленных законодателем целей, в частности, их реализация приводит к определенным

19. См.: Рожкова М.А. Теория юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: Дис.... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 13.

20. См.: Рожкова М.А. Указ. соч. С. 74.

21. Здесь следует отметить, что автор статьи придерживается позиции структурирования элементов нормы права на первичные правовые средства. Подробнее об этом см.: Илалутдинов А.И. Правовые средства в структуре нормы права // Вестник Института экономики, управления и права. 2011. Вып. 11. С. 6–13.

22. См.: Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 24.

юридически значимым последствиям (например, к возникновению, изменению, прекращению прав и обязанностей); во-вторых, они являются одним из основных элементов механизма правового регулирования; в-третьих, средства-условия устанавливаются позитивным правом для обеспечения (защищенности) юридически значимых взаимодействий субъектов. Следовательно, условия, составляющие гипотезу, выступают как деятельностные правовые явления и являются первичными правовыми средствами.

Таким образом, гипотеза представляет собой структурный элемент нормы права, содержащий условия осуществления государственно значимых правил поведения субъектов (первичных правовых средств, установленных в диспозиции). Элементами гипотезы выступают сами условия.

Диспозиция в большинстве определений раскрывается как часть нормы, которая указывает на содержание самого правила поведения, т.е. на юридические права и обязанности, возникающие у субъектов[23]. Позволим себе остановиться на взглядах профессора Ф.Н. Фаткуллина, которые, по нашему мнению, затрагивают существенные аспекты содержания диспозиции нормы. С точки зрения Ф.Н. Фаткуллина, диспозицией называется та часть нормы права, где описываются масштабы (правила, образцы) должного, возможного или возможно-должного поведения участников регулируемого общественного отношения или определяется их статус. В позитивном виде диспозиция указывает предписываемое, дозволяемое, рекомендуемое, поощряемое или ограничиваемое поведение, а в негативном — чаще всего вытесняемое общественное отношение, запрещаемое поведение[24].

Ф.Н. Фаткуллин отмечает, что по своей юридической направленности возможны представительно-обязывающие, управомочивающие, обязывающие, уполномочивающие, закрепительные, рекомендательные, поощрительные, запретительные и ограничительные диспозиции. В представительно-обязывающих диспозициях содержатся взаимно скоординированные правила поведения двух и более участников упорядоченного общественного отношения. Управомочивающие

23. См.: Крашенинников Е.А. Гражданско-правовые нормы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 2. С. 8; Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М., 1999. С. 38; Чепурнова Н.М., Серегин А.В. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007. С. 301.

24. См.: Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 237.

диспозиции регулируют соответствующее жизненное отношение путем указания на вид и меру или сферу возможного поведения одного его участника, наделяемого в рамках данного отношения субъективным правом или юридической свободой. В обязывающих диспозициях указываются вид и мера должного поведения лица, на которое возлагается односторонняя юридическая обязанность.

Выделение Ф.Н. Фаткуллиным управомочивающих и обязывающих диспозиций в качестве самостоятельных корреспондирует учению о секундарных правах[25]. В то же время позволим себе не согласиться с таким суждением. Представляется, что праву субъекта всегда соответствует пассивная обязанность не препятствовать в осуществлении права. Аналогичная ситуация складывается и тогда, когда человек обязан совершить что-либо, а кто-то вправе требовать соответствующего поведения. С нашей точки зрения, выделение управомочивающих диспозитивных предписаний (а не диспозиции нормы) возможно только в том случае, когда в качестве корреспондирующей подразумевается активная обязанность субъекта, находящая свое закрепление в другом нормативном правовом предписании.

По мнению Ф.Н. Фаткуллина, уполномочивающие диспозиции расценивают обозначенную в них модель поведения как возможно-должное, т.е. одновременно и как право, и как обязанность должностного лица. В данном случае можно согласиться с взглядом ученого, поскольку властные полномочия в силу своей специфической природы являются самостоятельным первичным правовым средством, отличным как от субъективного права, так и от юридической обязанности[26].

Закрепительные диспозиции, с точки зрения Ф.Н. Фаткуллина, служат средством официального подтверждения государственной властью определенных общественных отношений или установления в их рамках общеобязательных масштабов (принципов, организационных начал) деятельности субъектов (это имеет место, например, во многих конституционных нормах, закрепляющих политическую и экономическую систему, форму устройства государства и т.д.). На наш взгляд, к возможности выделения закрепительных диспозиций следует отнестись критически, поскольку

25. См.: Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. М., 2008. С. 759–806.
26. См.: Тихомиров Ю.А. Публичное право: учеб. М., 1995. С. 137–142.

установление принципов, организующих начала деятельности субъектов, по сути, не предусматривает оценку поведения субъектов. Это исключает наличие санкций у нормативных положений с закрепительной диспозицией. Выделение закрепительных диспозиций, на наш взгляд, возможно только в том случае, если в диспозиции устанавливается масштаб поведения субъектов, несущий сверхпозитивный результат для общества и государства (например, ситуации спасения человека, тушения пожаров и т.п.)

По мнению Ф.Н. Фаткуллина, рекомендательные диспозиции строятся по формуле: «Если налицо такие-то условия, то целесообразно и желательно поступать таким-то образом»[27]. Полагаем, что рекомендательные диспозиции возможны только в тех нормах, в которых предусмотрены исключительно позитивные санкции. Однако возникает вопрос о соответствии такой нормы признаку обязательности. Полагаем, что признак обязательности в данной ситуации воплощается в санкции, а именно в обязанности уполномоченных органов или должностных лиц предоставить соответствующую меру поощрения. В то же время анализ законодательства показывает, что такие обязанности чаще всего не закрепляются, а имеет место просто право поощрить[28].

Относительно выделения запретительных и ограничительных диспозиций следует отметить следующее. Действительно, запретительные диспозиции указывают на общественные отношения, которые полностью вытесняются государственной властью и считаются недопустимыми. Ограничительные диспозиции хотя и не вытесняют целиком регулируемое отношение, но ставят его в строго определенные жесткие рамки. Однако возникает вопрос, что собой представляют ограничение и запрет? По мнению А.В. Малько, «запрещение определенного действия эквивалентно обязанности несовершения определенного действия»[29], т.е. запрет выступает как обязанность пассивного воздержания от того или иного поведения. Такой подход мы находим и в работах С.С. Алексеева, который отмечает, что с регулятивной стороны запреты выражаются в юридических обязанностях пассивного содержания — обязанностях воздерживаться от совершения

27. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 238–239.
28. См.: Краснов А.В. К вопросу о сущности санкции правовой нормы // Трибуна молодого ученого – 2009: сб. науч.-исслед. работ. Казань, 2009. С. 194–197.
29. Малько А.В. Правовые ограничения как принудительные средства // Атриум. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 1997. Вып. 2. С. 5.

действий известного рода[30]. С этой точки зрения получается, что запрет выступает в качестве разновидности обязанности. Однако в достаточной ли мере указание лишь на пассивную обязанность отражает существо правового запрета? Дискуссионность данного вопроса связана с тем, что до настоящего времени нет единого мнения, что же включать в понятие правовой нормы вообще[31].

Указанное в полной мере относится и к ограничению, направленному, по сути, на уменьшение возможности субъекта действовать определенным образом. Запрет действий для субъекта здесь выражен опосредовано. В целом хотелось бы отметить условность выделения запрета и ограничения в качестве самостоятельных первичных правовых средств в настоящем исследовании, поскольку их разграничение с юридической обязанностью нуждается в отдельном научном обосновании.

Исходя из предложенного анализа разновидностей диспозиции нормы права следует, что в ней могут содержаться не только права и обязанности субъектов, но и другие первичные правовые средства — запреты, ограничения, полномочия и свободы, которые, собственно, и выступают в качестве структурных элементов диспозиции нормы. По нашему мнению, диспозиция как расположение моментов действия (бездействия) индивида в хронологической и логической их последовательности закрепляет модель (правило) поведения (необходимость, запрет или возможность совершения конкретного действия), которое всегда ведет к определенным последствиям. Позитивные последствия диспозиции заключаются либо в достижении социально полезного результата (цели правового регулирования), либо непосредственно в поощрении, т.е. реализации позитивных санкций. Негативные последствия заключаются в реализации наказаний. Отсюда диспозиция как выбор между вариантами поведения предполагает ответственность субъекта за свои поступки.

Диспозиция как модель поведения выстраивает связи и роли субъектов в общественном отношении. Одновременно в диспозиции закрепляется модель правильного поведения субъектов с точки зрения государства. В связи с этим она предлагает выбор между одобряемой государством моделью

30. См.: Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1998. С. 205–206.

31. См.: Краснов А.В., Рыбушкин Н.Н. Запрет и санкция нормы права в контексте предмета и метода правового регулирования // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. Кн. 4. С. 39.

поведения субъектов или ее нарушением. При такой трактовке диспозиция направлена на постоянное утверждение в государстве согласия с позитивным правом как таковым. Следует также отметить признак вариативности диспозиции. Диспозиция — это, в первую очередь, выбор между тем, соблюдать норму права или нет (соглашаться с правопорядком или нет); во-вторых, это вариативность наступления различных последствий за свои действия. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать диспозицию в качестве условия реализации санкции нормы права.

Таким образом, диспозицию нормы права можно определить как структурный элемент, содержащий одобряемую государством модель поведения субъектов в виде указания на их субъективные права, свободы, полномочия, юридические обязанности, запреты и ограничения.

Анализ санкции нормы права как ее структурного элемента находится в центре внимания многих ученых-юристов. В то же время, по верному замечанию В.В. Трофимова, «проблема понимания “санкций”, несмотря на целый ряд фундаментальных работ советских и современных правоведов, продолжает оставаться дискуссионной»[32]. В юридической науке распространенной является трактовка санкции как элемента, указывающего на неблагоприятные последствия, возникающие в результате нарушения диспозиции правовой нормы[33], как меры правового принуждения, следующей за нарушение диспозиции[34].

Н.М. Коркунов в конце XIX в. писал, что юридические нормы как веления, обращенные к сознательной воле человека, «могут быть им не соблюдаемы и потому для своей силы нуждаются в особых обеспечениях их действительного соблюдения»[35]. Ученым было верно подмечено, что правила поведения должны обеспечиваться, а это предполагает не только кару (наказание) за нарушение нормы, но и применение иных обеспечительных мер. Поэтому вызывает недоумение смешение обеспечительного механизма, который преимущественно находит свое воплощение

32. Трофимов В.В. Поощрительные санкции и правообразование // Государство и право. 2009. № 3. С. 86.

33. См.: Королев А.И., Явич Л.С. Теория государства и права. Л., 1987. С. 361; Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 246; Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (Юриспруденции): учеб. курс. М., 2003. С. 258; Теория государства и права: учеб. для вузов / Под ред. проф. В.М. Корельского и проф. В.Д. Перевалова. 2-е изд., изм. и доп. М., 2002. С. 289.

34. См.: Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. М., 1999. С. 38.

35. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 5-е изд. СПб., 1898. С. 133.

в санкции нормы, с негативными последствиями для нарушителя, что мы можем наблюдать в трудах многих ученых[36].

В настоящее время не вызывает сомнения, что санкция нормы может включать в себя не только негативные последствия в виде наказания, но и позитивные — в виде поощрения при ее сверхвыполнении в случаях, предусмотренных законом. Обоснование данного вывода отражено в ряде фундаментальных научно- исследовательских работ[37], поэтому подробно на этом вопросе мы не останавливаемся. Важным для нас является то обстоятельство, что санкция нормы гораздо богаче по своему функциональному потенциалу, нежели сведение ее только к негативным последствиям для нарушителя.

Важным моментом в рамках исследований, посвященных санкции нормы, также выступает вопрос о возможности ее рассмотрения в качестве составной части только отдельных видов норм права. Как представляется, при анализе данной проблемы следует учитывать сразу несколько аспектов. Во-первых, речь может идти о разграничении регулятивных и охранительных норм права. При таком подходе санкция выступает в качестве элемента только охранительной нормы. Однако уже было указано, что такое видение не совсем согласуется с некоторыми положениями, убедительно аргументированными в рамках теоретико-правовых исследований.

Во-вторых, вопрос о наличии санкции возникает применительно к некоторым видам норм, классифицируемым в зависимости от содержащихся в диспозиции первичных правовых средств, например, управомочивающих норм. В данном случае, как представляется, следует исходить из того, что санкция нормы так или иначе является обеспечительным механизмом реализации первичных правовых средств, содержащихся в диспозиции. Данное представление основано на том, что санкция по своей природе направлена на обеспечение исполнения нормы права, точнее, ее диспозиции[38].

36. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998. С. 224; Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 23–38; Теория государства и права: учеб. / Под общ. ред. С.С. Алексеева. М., 1998. С. 238–242.

37. См.: Краснов А.В. Правовые санкции в экономической сфере: Дис.... канд. юрид. наук. Казань, 1999; Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005; Мирошник С.В. Теория правового стимулирования: Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2003; Сатина Э.А. Основные аспекты правового санкционирования: Дис.... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001.

Санкция не должна обязательно быть адресована субъекту нормы (правила поведения), например в виде наступления для него каких-либо последствий в случае ее несоблюдения. Она может выступать в качестве средства, обеспечивающего реализацию диспозиции (например, субъективного права) и адресованного ее потенциальным нарушителям. В этом смысле санкция имеет положительный эффект для субъекта нормы (обладателя субъективного права). Ярким примером подобного положения вещей выступают управомочивающие нормы. Реализация субъективного права обеспечивается мерами воздействия, которые могут быть применены обладателем права ко всем иным субъектам. Следовательно, санкция в данном случае, как правило, адресована не управомоченному субъекту.

В-третьих, нередко вывод об отсутствии санкции в тех или иных нормах права делается на основе отождествления последних с нормативными правовыми предписаниями. В юридической литературе убедительно аргументировано разграничение данных категорий[39]. Отсутствие в нормативном предписании санкции не означает ее отсутствия в норме права как таковой (концепция логической структуры нормы). В противном случае утрачивается обеспеченность каждой нормы мерами государственно-властного воздействия, разрывается единая логическая последовательность структурных элементов нормы, которые и образуют целостное понятие нормы как системы.

Исходя из изложенного следует согласиться с тем, что санкция является обязательным элементом нормы права. Данное утверждение, по мнению некоторых ученых, не означает, что санкция включается в состав именно данной нормы, она может иметь общий характер для некоторого конгломерата норм[40] либо и вовсе выводиться из общих положений о защите государством нарушенных субъективных прав[41]. Последнее утверждение в полной мере подтверждается судебной практикой. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации при рассмотрении дела о взыскании индивидуальным

38. См.: Краснов А.В. Санкция нормы права в системе нормативных ассоциаций // Научный Татарстан. 2009. № 3. С. 48; Пиголкин А.С. Нормы советского права и их толкование: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 5; Пузырева Е.В. Нормы российского права: теоретические аспекты понимания и качественного выражения: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 15.

39. См.: Давыдова М.Л. Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: Дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

40. См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: учеб. пособие. М., 2011. С. 79.

41. См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М., 1976. С. 67–68, 100.

предпринимателем с Федеральной службы судебных приставов стоимости восстановительных работ, неполученного дохода и возмещении морального вреда указал, что ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующая гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный публичной властью, прямо не предусматривает компенсации морального вреда индивидуальному предпринимателю.

Произведя последовательный анализ положений Конституции Российской Федерации и Іражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), суд отметил, что, если орган государственной власти допустил незаконное вмешательство в осуществление лицом предпринимательской деятельности, такое лицо должно иметь возможность получить справедливую денежную компенсацию причиненного ему нематериального вреда. Следовательно, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, по сути, вывел санкцию в виде обязанности возмещения предпринимателям денежной компенсации нематериального вреда, причиненного вследствие утраты и повреждения имущества из-за незаконного применения государственного принуждения (постановление от 23 ноября 2010 г. № 6763/10). Таким образом, обеспечительный механизм правил поведения может выводиться из смысла нормативного регулирования, не будучи дословно прописан в законодательстве.

Санкция нормы, выполняя функцию обеспечения исполнения диспозиции, направлена на мотивирование человека не только к воздержанию от нежелательных (вредных) для общества действий (предупреждая о страдании, наказании, воздействуя на инстинкт страха), но и к осуществлению полезных поступков (воздействуя на инстинкт надежды и обещая награду)[42]. Следует согласиться с тем, что санкции представляют собой более широкую группу мер, выраженных в нормативных правовых актах[43]. Исключение своеволия при соблюдении, использовании, применении и исполнении первичных правовых средств диспозиции нормы позволяет сделать вывод о необходимости наличия санкции в каждой норме, в каждой модели поведения, устанавливаемой государством.

При определении сущностных характеристик санкции как элемента нормы права значимым является вопрос о возможности

42. См.: Трофимов В.В. Поощрительные санкции и правообразование // Государство и право. 2009. № 3. С. 86–87.

43. См.: Сатина Э.А. Основные аспекты правового санкционирования: Дис.... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. С. 109.

ее рассмотрения как совокупности прав и обязанностей субъектов. В научной литературе по данному вопросу сформировалось два различных подхода. Первый подход исходит из того, что санкция нормы права подразумевает лишь меры государственно-властного воздействия, а их реализация или способы реализации, определенные масштабы поведения, адресованные правоприменителям в связи с применением санкции, облекаются в новые модели поведения — нормы права. В данном случае санкция подразумевает только сами средства (наказания и поощрения), поскольку реализация санкции — это другая (другие) модели поведения, а следовательно, и другие нормы.

Представители второго подхода утверждают, что санкция нормы права должна рассматриваться через правила поведения, комплекс взаимосвязанных прав и обязанностей. По мнению А.В. Краснова, «санкция определяет поведение через обязанность претерпеть определенные негативные последствия нарушения диспозиции и право соответствующих лиц требовать защиты своих нарушенных прав, которое реализуется через полномочия компетентных правоприменительных органов»[44]. Позиция ученого основана на том, что между диспозицией и санкцией нормы существует тесная взаимосвязь через элементы права и обязанности. Диспозиция плавно «перетекает» в санкцию через один из элементов структуры субъективного права (право на защиту) и юридической обязанности (обязанность нести юридическую ответственность при совершении правонарушения). С точки зрения А.В. Краснова, на уровне санкции закрепляются некие модели поведения, которые реализуются через охранительные правоотношения, юридическую ответственность. Само по себе указание лишь на меры государственного принуждения, с точки зрения ученого, не может рассматриваться в качестве санкции, так как является способом ее реализации, способом осуществления юридической ответственности[45].

Е.А. Крашенинников также считает, что любая санкция содержит указание на права и обязанности соответствующих лиц в конфликтной ситуации. В подтверждение своей позиции автор приводит анализ некоторых статей ГК РФ. Так, санкция нормы, закрепленной в ст. 301 ГК РФ, указывает на право собственника

44. Краснов А.В. Правовая санкция в контексте предоставительно-обязывающего характера нормы права // Научный Татарстан. 2010. № 1. С. 130
45. См.: Там же. С. 129.

требовать от незаконного владельца выдачи своего имущества; санкция нормы, сформулированной в и. 1 ст. 393 ГК РФ, — на обязанность неисправного должника возместить кредитору убытки; санкция нормы, выраженной в и. 3 ст. 615 ГК РФ, — на право арендодателя требовать расторжения договора, нарушенного арендатором. Все это позволяет ученому сделать вывод, что санкция указывает не на меры принуждения, а на меры возможного и должного поведения, способные быть реализованными в принудительном порядке[46].

Применительно к вопросу о возможности рассмотрения санкции через права и обязанности субъектов отметим, что в принципе с постановкой данного вопроса можно согласиться. В то же время такой подход требует более обоснованного своего подтверждения. Во-первых, вывод, что любая санкция содержит указание на права и обязанности соответствующих лиц в конфликтной ситуации нередко обосновывается учеными (например, Е.А Крашенинниковым) лишь на примере конкретных отраслевых норм, что с учетом обобщающего характера такого вывода является не совсем правильным с научной точки зрения. Во-вторых, возникает необходимость рассмотрения сущностных признаков прав и обязанностей, содержащихся в санкции нормы права. В частности, требуется обоснование их специфического характера, взаимосвязи с диспозицией нормы права, условий возникновения и т.п.

В этом плане представляется интересным, что первичные правовые средства, содержащиеся в диспозиции, могут обеспечиваться по-разному. Так, субъективное право может быть реализовано в принудительном порядке без обращения к санкции, если признать что в его структуру входит право притязания, т.е. возможность обращения за защитой субъективного права к органам государственной власти и должностным лицам. Ярким примером в данном случае выступает требование исполнить обязательство по договору, не связанное с дополнительными лишениями для нарушителя, например передать имущество в собственность по договору купли-продажи. Требование здесь направлено на реализацию покупателем права получить вещь в собственность. Следовательно, субъективное право в приведенном примере реализуется в принудительном порядке (по решению суда), но оно не связано с применением санкции. Другое дело, когда

46. См.: Крашенинников Е.А. Гражданско-правовые нормы // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 2. С. 10–11.

покупатель заявляет требование о передаче вещи в собственность и требование о взыскании убытков, вызванных ненадлежащим исполнением обязанности продавцом. В данной ситуации взыскание убытков будет выступать в качестве санкции для нарушителя договорного обязательства.

Приведенный пример позволяет сделать вывод, что принуждение — это не отличительный и не исключительный признак санкции нормы права. Санкция определяется также наличием в своем содержании мер, которые с точки зрения их правового эффекта не идентичны средствам, установленным в диспозиции. Эти меры, по сути, несут дополнительные лишения (выгоду) для субъекта (нарушителя или исполнителя). Они выступают одним из последствий поведения субъекта. Например, нарушитель договорного обязательства обязан не только его исполнить, но и претерпеть неблагоприятные последствия своего поведения. Таким образом, санкция — это оценка государством поведения субъекта с точки зрения исполнения, соблюдения, следования модели поведения, установленной в диспозиции нормы.

Таким образом, санкцию можно определить как элемент нормы права, содержащий указание на право требования реализации нормативно-установленных мер поощрения или указание на обязанность претерпевания нормативно-установленных негативных мер ответственности (первичных правовых средств).

Возникает последний вопрос — что следует считать внутренними элементами санкции нормы права? Полагаем, что таковыми являются не просто право требования и обязанность претерпевания, не меры поощрения и меры ответственности сами по себе, а указание на право требовать реализации мер поощрения или указание на обязанность претерпеть негативные меры ответственности. Возможно, отличительной особенностью санкции является связка права и обязанности с конкретными мерами, поскольку последние несут негативные или сверхпозитивные последствия для субъектов, которые изначально не заданы в жизненной ситуации, т.е. их наступление всецело зависит от поведения сторон правоотношения.

Проведенный анализ элементов нормы права позволяет сделать вывод, что они содержат разнообразные первичные правовые средства реализации заложенных в норме государственно значимых целей. Полагаем, что дальнейшее изучение проблемных вопросов структуры нормы права и ее

элементов через призму первичных правовых средств позволит по-новому взглянуть на систему правовых регуляторов поведения субъектов.